

Н.И. Белунова

**КАТЕГОРИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА**

**(на материале писем творческой интеллигенции
конца XIX — первой четверти XX века)**

В статье выявляются и рассматриваются основные специфические средства, реализующие категорию интеграции текста дружеского письма: сочинительные союзы как средство межабзацной связи; наиболее типичные предложения-высказывания, мотивирующие переход пишущего от одной темы к другой и выступающие в качестве эксплицитно выраженных тематических границ в абзацах и тематических фрагментах; коммуникативно-прагматическая ось «Я» — «Т», что эксплицитно выражено композиционными элементами дружеского письма: обращением, маркирующим адресата, и подписью, маркирующей адресанта; а также высказываниями типа «Все по порядку расскажу тебе» и др. Делается вывод о том, что политематичность как характерный признак текста дружеского письма хотя и сближает его с устной разговорной речью, но не нарушает связность дружеского письма, его коммуникативную целостность, завершенность и не лишает статуса текста. Дружеское письмо представляет собой письменную форму речи; в ряде случаев-образец книжного письменного текста.

абзац, дружеское письмо, интеграция, категория текста, текст, текстовый фрагмент, политематичность.

Русская культура располагает колоссальным эпистолярным наследием, помогающим проникнуть в мир общения людей различных веков.

Возникновение писем относится к глубокой древности, и на протяжении различных исторических эпох (античность, средневековье, эпоха Возрождения, классицизм, XVIII–XIX века) интерес к эпистолярному был достаточно высок¹.

Письма творческой интеллигенции конца XIX — первой четверти XX века представляют своеобразные документы эпохи, отражающие высокую духовную культуру, поиски социальных и художественных идеалов их авторов и имеющие непреходящее значение для современной культуры как в собственно языковом отношении, так и в культурно-историческом.

Авторы данных писем (известные поэты, писатели, ученые, музыканты, театральные деятели) представляли собой элитарную микросреду, уникальную по своей духовности, речевой культуре общения, энциклопедичности знаний, широте и многогранности интересов.

Таким образом, изучение текстов, принадлежащих носителям элитарной речевой культуры, в частности текста дружеского письма как персонального, лично ориентированного средства общения, не может оставаться без внимания исследователей.

Дружеское письмо рассматривается нами как «частное неофициальное письменное средство общения лиц (автора и адресата), характеризующееся достаточной содержательной свободой, наличием «ритуальных» эпистолярных элементов (обращение,

¹ Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX — начала XX в. Жанр и текст писем: моногр. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. 212 с.

подпись, а также дата, место написания) и ориентированное, как правило, на получение ответа или само являющееся ответом»².

В словаре русского языка значение слова «дружба» определяется как «отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. д.»³.

Текст, согласно И.Р. Гальперину, понимается как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»⁴.

При этом категории текста определяются как понятия, отражающие его наиболее общие и существенные признаки и представляющие собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков⁵.

Доминантной категорией текста дружеского письма является категория диалогизации⁶.

Однако, с нашей точки зрения, текстовые категории, выделенные И.Р. Гальпериним (информативность, когезия, континуум, членимость, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция, завершенность)⁷, присущи также и дружескому письму как тексту, при этом каждая из названных категорий будет иметь специфику ее реализации в зависимости от типа текста.

Рассмотрим особенности реализации *категории интеграции* в тексте дружеского письма.

Интеграция понимается нами как «объединение всех частей текста в целях достижения его целостности». Вслед за И.Р. Гальпериним мы проводим грань между когезией и интеграцией: «Когезия — это формы связи — грамматические, семантические, лексические — между отдельными частями текста. <...> Интеграция нейтрализует относительную автосемантию частей и подчиняет их общей информации... когезия линейна, интеграция вертикальна»⁸.

Одним из характерных признаков текста дружеского письма является его политематичность⁹, что сближает его с устной разговорной речью. В лингвистической литературе тема в самом общем виде соотносится с содержанием и, как правило, признается предметом речи¹⁰. В данном случае тема понимается нами как «предмет повествования, изображения, исследования»¹¹, предмет речи, формирующий содержание текста.

При этом политематичность дружеского письма представлена такими единицами текста, как абзац (1) и текстовый фрагмент (2). Например:

1. *«Милый Макс, спасибо за книгу, она настоящая даже с внешнего вида; ее приятно возить с собой повсюду и, открыв, прочитать, как маленький прием опиума.*

² Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX — начала XX в. С. 13.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. С. 449.

⁴ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с. С. 18.

⁵ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования; Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М., 1986. 217 с.

⁶ Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX — начала XX в.

⁷ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.

⁸ Там же. С. 125.

⁹ Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX — начала XX в.

¹⁰ Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.; Сибирякова И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 115–135; и др.

¹¹ Словарь русского языка. С. 350.

Теперь я так отрешен от поэзии, что стал понимать настоящую ее красоту, таинственную грусть, которой так мало в современной поэзии подбрюсовского толка.

Недавно вышла книга С. Соловьева «Апрель» изд. Мусaget. Очень недурные стихи, но все-таки не цветы, а стихи; сделано, спето, а не колдовски сказано. Правда, что поэзия — колдовские слова.

Здесь у нас еще пуще все мыкаются высуня язык по гостям и вечерам. В Академии читал Андрей Белый, но я его не слушал — очень хитро и, кажется мне, он касается заповедных вещей, поэтам которых слушать не следует.

Вяч. Ив. три недели разговаривал подряд, не спавши ни минутки, и теперь уехал в Москву.

Сологуб провалился в Москве с «Победой смерти» и завязил ногу здесь с «Мелким бесом».

А мы путаемся с Судейкиными. Вот и все новости.

Я очень много пишу. Недавно кончил последнюю повесть — «Аггей Коровин», и книга рассказов закончена; теперь принимаюсь за вторую часть романа.

Но в голове окурки, а на душе кошки. Уеду.

Соня тебя целует, я тоже, и очень, очень кланяюсь всем феодосийцам и благодарю их за милые ответы на мою книгу.

Твой Алехан.

P.S. Соне очень хотелось иметь твою книгу с надписью ей».

(А.Н. Толстой — М.А. Волошину. 12 марта 1910, Петербург)

2. «Сегодня праздник, завтра тоже. Что я буду делать? Уж разреши мне переговорить с Васняцким и мечтать и составлять разные проекты... Все равно они не осуществляются. Я сознаюсь, что это слабость, но, ей-богу, делать нечего. Читать невозможно. Прежде в доме было слишком уныло и пусто — теперь, с приездом детей, шум и гам. Дома усидеть невозможно. С фабрики поехал к Михайловой. Она раза три заезжала ко мне, вероятно, нужны деньги за флаги. Я рассчитался с ней и пообедал у нее, оттуда поехал смотреть «принцессу Грезу». Много видел на свете, но такой мерзости видеть не приходилось. Яворской, вероятно, для своих рекламных целей надо было заманить меня в уборную, поэтому она напустила на меня своих приживалок, которые после каждого акта пренахально тащили меня за кулисы, но я вспомнил твой совет и тоже пренахально увернулся. После спектакля на лестнице встретил Суворина. Он потащил меня в буфет, и там проговорили — о театре, конечно. Театр уже потушили, заперли, а мы все разговаривали. Услыхав, что Суворин в театре, Яворская и прочая компания с огарками прибежали в фойе и стали тащить к себе на квартиру (она живет при театре). И тут я устоял, с несвойственной мне хладнокровностью отказался, а старика утащили. Похвали же меня за успехи! Вернулся домой около 12 часов...»

(К.С. Станиславский — М.П. Лилиной. № 44. С. 100)

Отметим, что в лингвистической литературе сущность абзаца — его языковая природа, строение, место среди других единиц текста — определяется неоднозначно¹².

В данном случае абзац определяется нами в качестве стилистико-композиционной делимитационно-интегрирующей единицы текста¹³. С нашей точки зрения, абзац — сугубо письменная единица текста, ярко обнаруживающая диалектичность лингвистического явления, поскольку абзац выполняет одновременно две противоположные функции: с одной стороны, делимитационную, то есть функцию членения текста, с другой — интегрирующую, то есть функцию объединения как входящих в абзац компонентов («содружество предложений-высказываний»), так и

¹² Белунова Н.И. Бессоюзные сложные и соположенные самостоятельные предложения с лексико-синтаксическим повтором в текстовом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1987. 212 с.

¹³ Там же.

различных абзацев в единое целое, в завершённый текст. Ряд компонентов структуры абзаца предназначается для связи с другими абзацами (в тексте существуют межабзацные связи).

В приведённом письме А.Н. Толстого — М.А. Волошину политематичность представлена несколькими (девятью) монотематичными абзацами: 1) выражение автором письма благодарности адресату за его книгу и высокая оценка книги адресата, 2) сообщение о вышедшей книге С. Соловьёва «Апрель» и выражение отношения к ней адресанта, 3) о культурной жизни Петербурга и, в частности, об А. Белом. Далее сообщение о культурной жизни Петербурга конкретизировано и представлено несколькими отдельными абзацами, при этом некоторые из них — 4 и 5 — являются парцелированными, состоящими из одного предложения-высказывания; 4) о Вячеславе Иванове, 5) о Сологубе, 6) о себе и Судейкиных, 7) сообщение адресанта о своих творческих планах, 8) о своем внутреннем состоянии, 9) прощание с адресатом и повторное выражение благодарности.

Политематичность текста в данном случае не нарушает его связности, а также завершенности и коммуникативной целостности и, следовательно, не лишает дружеское письмо статуса текста.

Так, межабзацные связи в тексте письма в ряде случаев эксплицитно выражены **сочинительными союзами** «а» («А мы путаемся с Судейкиными...»), «но» («Но в голове окурки...»), а также высказыванием «Вот и все новости», которое «цементирует» предшествующие четыре абзаца, которые можно объединить в более крупную единицу — тематический блок: «Новости о культурной жизни Петербурга».

Таким образом, приведённое письмо, несмотря на его политематичность, по своей текстовой организации представляет собой образец письменной книжной речи, для которой, в отличие от разговорной устной речи, не характерны спонтанность, неподготовленность, ассоциативные связи, «перебивы» и «самоперебивы».

Необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда выделенные графические абзацы представляют собой композиционно-стилистическое строение и характеризуются монотематичностью. Чаще всего в тексте дружеского письма отдельная тема не совпадает с абзацем как композиционно-стилистической единицей текста и представлена **тематическим фрагментом**, который определяется нами как отрезок текста, на протяжении которого сохраняется единство темы и который обладает относительной автосемантической целостностью. При этом в одном графическом абзаце может быть представлено несколько тематических фрагментов или, наоборот, несколько графических абзацев, которые могут составлять один тематический фрагмент.

Так, в приведённом отрывке из письма К.С. Станиславского в одном достаточно протяжённом по объёму графическом политематическом абзаце можно выделить, как нам представляется, следующие тематические фрагменты: 1) просьба адресанта к адресату о разрешении встретиться с Васняцким и мотивировка этой просьбы («Сегодня праздник... Дома усидеть невозможно»). Далее следует «рассказ» адресанта о своих визитах, встречах с различными людьми. В этом «рассказе» можно выделить несколько микротем, представленных несколькими тематическими фрагментами: 2) сообщение о визите к Михайловой и о поездке от нее в театр, 3) оценка спектакля, 4) о встрече с Яворской, 5) о встрече с Сувориным, 6) о приходе Яворской и «компании», 7) «Похвали же меня за успехи!», 8) о возвращении домой.

При этом **границами тематических фрагментов** являются **предложения-высказывания**, которые «задают» новую тему или микротему и находятся в начале тематических фрагментов. Данные инициальные предложения-высказывания обозначают переход от одной темы к другой.

Так, в рассматриваемом письме К.С. Станиславского границами тематических фрагментов являются следующие предложения-высказывания: «С фабрики поехал к Михайловой», «Много видел на свете, но такой мерзости видеть не приходи-лось»,

«Яворской, вероятно, для своих рекламных целей...», «После спектакля встретил на лестнице Суворина», «Услышав, что Суворин в театре, Яворская и прочая компания...», «Похвали же меня за успехи!», «Вернулся домой около 12 часов».

Членение текста на абзацы (кроме текста научного и официально-делового функциональных стилей, где критерием выделения абзацев является, как правило, логический, смысловой принцип) имеет субъективный характер и определяется прежде всего прагматической установкой автора, его коммуникативными намерениями. При этом, с точки зрения автора, в отдельный абзац выделяется наиболее существенная информация в целях акцентирования внимания на ней, подчеркивания ее ¹⁴.

Сказанное имеет непосредственное отношение к тексту дружеского письма, отличающегося содержательной свободой и представляющего собой неофициальный, персональный характер общения, чем объясняется наличие в тексте дружеского письма так называемых графических абзацев, не обладающих монотематичностью и по существу не являющихся композиционно-стилистическими единицами текста.

Необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев тематические границы в абзацах, являющихся композиционно-стилистическими делимитационно-интегрирующими единицами текста и характеризующихся монотематичностью, и в тематических фрагментах четко выражены. Так, в начале абзаца или тематического фрагмента имеется предложение-высказывание, представляющее собой своеобразное «заглавие» новой темы, или — высказывание, подводющее итог предшествующей теме и обозначающее новую тему. Например:

«А вот философские размышления. Надо в жизни избегать форм сравнения с союзом «как». «Будьте, как боги» — это символ ложной подражательности. Тут — соблазн слабых. Если уничтожить «как», то останутся реальные превращения человека на ступенях восхождения. Свой путь, не омраченный никакими сравнениями, крутой и новый, — путь человека, не оглядывающегося по сторонам и вниз.

<...>

Из философии довольно. Из жизни. Аркадий Сем<енович> собирается Вам писать письмо. Он пишет интересную книгу: «Достоевский и социализм». Есть новые мысли. Бор<ис> Мих<айлович> Энгельгардт после инфлюэнцы переживает мозговую спячку. Зато острит с удачей и ведет общественный образ жизни. Дядя Шурочка переводит французские романы и выбивает из своей головы пыль Мейерхольда. Они все Вам кланяются.

А у меня в голове — растет цветная капуста и всходят семена пессимизма. Но они расцветут работой. <...>»

(В.В. Виноградов — Н.М. Малышевой. 9 апреля 1926 г., Ленинград)

«Насчет интервью.

Милый Максимыч! Меня все же очень волнует и огорчает эта невольная, быть может, ложь в версии моего поступка, а именно, что я совершил его только потому, чтобы оказать помощь хору. Это противно — выставлять какие-то христианские чувства, чтоб заслонить «гнуся». Сделал я это оправдание однажды в растерянном виде, не подумав, а когда думаю об этом, то чувствую большой стыд... Да и вообще скажу... тяжело мне носить не заслуженное мною пятно... Я очень сожалею сейчас, что в России не сделали мне демонстрации, мне кажется, что тогда я мог бы написать подробно все, как было, и рассеять, несколько хотя бы, всякие нелепейшие басни, ходящие из уст в уста по этому поводу. Конечно, никто не запрещает мне сделать это когда угодно, хоть сейчас, но... оно все-таки будет как-то так... вдруг, без такого чего-нибудь... без этого повода, как, например, протест общества и т.п. Не выйдет, кажется мне, складно. А нескладно в этой истории

¹⁴ См. напр.: Левковская Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1980. № 1. С. 75–78.

делать мне ничего не хотелось бы... Весной или летом — словом, когда я приеду на Капри — мы еще поговорим с тобой, и я попрошу у тебя совета: “как быть?”

Сегодня вечером иду в первый раз в театр показывать «Псковитянку» <... >»

(Ф.И. Шаляпин — А.М. Горькому. № 32. С. 346–347).

Отметим, что четкое обозначение тематических границ, эксплицитное обозначение «переключения» тем особенно характерно для писем В.В. Виноградова. Например:

«Дни кухонного дежурства (так можно назвать лекционные дни) кончились. Сегодня — четверг. Меня тянет неудержимо к новым книгам и личному творческому напряжению. Горы новых книг нависают над головой. Через них надо подняться на собственную вышку. Это — в научной сфере. А рядом романы, которые я поглощаю, по крайней мере, по одному в день. Вчера ночью читал Луи-Жан Фино “Похмелье” [Louis Jean Finot: *Le héros voluptueux*] с описанием современной жизни парижских кабачков и кокоток. Область книжного производства здесь замыкается. Открываю двери в «жизнь»: Нат<алья> Евг<еньевна> увезена в больницу душевнобольных. Кажется, приступ не очень сильный. Но Бор<ис> Мих<айлович> грустит и бьется (по разным направлениям смысла). Я сегодня буду у него: просил прийти для беседы. Кстати, о Натальях: Нат<алья> Эрн<естовна> тоскует, принимая ежедневно преподавательские ванны с частыми «головомойками». Ваша загадка: «Не сырдысь»... и т.п. уже известна ей несколько лет, но с вариантом — более авторитетным: «не сыр — чай» (для этого слова необходимо, кроме колбасы, изобразить самовар). Таким образом, эффекта никакого нет. Печально: как все на свете старо! Особенно это заметно в словах «мужественного старика», который удостоил меня телефонным разговором. Все его «новости» и новые мысли — из эпохи «до Адама». Мазон довел Щербу почти до смерти: еще несколько шагов... Они обедают вместе ежедневно. Тут нов не факт, а его последствия: Щерба худеет и волнуется.

Вот — главное о знакомых. Можно присоединить лишь беглые силуэты: Бор<ис> Ал<ександрович> Ларин — все время улыбается — от довольства собой: улыбка его портит. Бор<ис> Вас<ильевич> Каз<анский> — посинел, и голова готова оборваться. В таком стиле писал письма своей жене Чехов, когда хотел сообщить ей побольше «объективных данных». Кроме того, он называл ее «собакой». Неизвестно, насколько это имя объективно. Прочитали ли Вы «Черного пуделя» Хиченса?»

(В.В. Виноградов — Н.М. Малышевой. 4 февраля 1927 г. Ленинград)

«Вот пришел с доклада, пообедал. Опять пишу. Доклад приветствовали. Правильно! Узнал от своего ученика (специалиста по суффиксу -ость в совр<е-менном> лит<ературном> русск<ом> яз<ыке>, напр., нежность, верность, кротость и т.п.), что некий московский марксист Переверзев в своей книге о Гоголе меня бранил и назвал метафизиком (в форме доноса). Хотел купить книгу, да магазины закрылись. На этом заканчиваются дела ученые.

Дела индивидуально-умственные: изучаю прозу Пушкина, читаю Марлинского, по философии — Гуссерля, Франка и «Логика» Зигварта. Давно не читал современной беллетристики. И скучаю по ней <... >»

(В.В. Виноградов — Н.М. Малышевой. 30 января 1926 г. Ленинград).

Таким образом, политематичность дружеского письма, с одной стороны, сближает его с естественным диалогом, поскольку в дружеском письме, как и в устном диалоге, смена тем выражает движение, динамику текста, передает направленность текста определенному адресату и предполагает его реагирование в виде вербального ответа. С другой стороны, как мы отмечали, дружеское письмо существенно отличается от разговорной речи (естественного диалога), представляя собой письменную (в ряде случаев книжную) речь.

Необходимо подчеркнуть, что интеграция текста дружеского письма, кроме отмеченных средств связности, реализуется также высказываниями типа «*День шел так*», «*Это было вчера, а сегодня — ...*», «*Вот и все новости*», «*Дело было так*». Данные

высказывания, обобщая последующую информацию или подводя итог предшествующей информации, интегрируют единицы текста — абзацы, тематические фрагменты, отражающие политематичность дружеского письма, выполняют текстообразующую функцию. Например:

«Надюшечка дорогая!

И вторник пришел к концу. И в трауре ночи светлеет лицо среды. День шел так. Читал корректуру книги о Гоголе. Не всем доволен, но некоторым мыслям и теперь радуюсь. Вечером были заседание и лекции в Инст<итуте> Исст<ории> Искусств. Виделся с Бор<исом> Мих<айловичем>. Он меня очень хвалил. Говорит, что в последних работах я разворачиваюсь во всю ширь. Решили собираться (я, Энгельгардт, Эйхенбаум, Жирмунский, Казанский, Тынянов и нек<оторые> др<угие>) раз в месяц для споров по вопросам теории искусства. Это — то, чего мне страшно недоставало. Это — не доклады, а горячие беседы, шумные блуждания по темным путям философии искусства. Во время их вырастают у фантазии крылья. И радость легких взлетов. Это — необыкновенно. После лекций я с Казанским поехал к Бор<ису> Ал<ександровичу> Ларину — день его рождения или что-то в этом роде. Был там и Арк<адий> Семенович. Мечтали о своем журнале и о том, как мы преобразуем мир <...>»

(В.В. Виноградов — Н.М. Малышевой. 24 марта 1926 г. Ленинград)

«...Сегодня у меня приятный день, ко мне приехали гости: Горький, И.А. Тихомиров и Константин Петрович (забыл фамилию), издатель Горького. Дело было так. Пью № 17 и у источника встречаю Тартакова с дамой. Очень ему обрадовался, но должен был их скоро оставить, так как торопился в гостиницу переодеться для вечернего спектакля. В театре шли «Мецане», и Тетерева играл Дмитриев. Я зашел посмотреть. Давыдов уверяет меня, что Горький в театре, и показывает какого-то господина в голубой косоворотке, с короткими волосами. Я уверяю, что нет, хотя тут же вспоминаю, что сейчас, в гостинице, мне говорили, что Тихомиров И.А. заходил ко мне. Я не обратил внимания, думая, что речь идет о Тихомирове — муже Гельцер. Кончается акт — И.А. Тихомиров и Горький летят ко мне. Оказывается, они все постриглись и так обкромсали волосы, что их узнать нельзя. Собралась уже толпа, но мы улизнули есть шашлык. Только что сели в отдельный сад, слышим душу раздирающий крик. Бьют ребенка в кухне. Устремились туда — спасти его. Горький вырвал ребенка, изругал мать. Произошел легкий скандал. Далее мы дружелюбно ужинали, и они рассказывали о своем прекрасном путешествии по Кавказу. Сейчас проводил их и сел писать тебе».

(К.С. Станиславский — М.П. Лилиной. № 157. С. 259).

Однако главным интегрирующим средством и средством диалогизации дружеского письма является **коммуникативно-прагматическая ось «Я — ТЫ»**, «адресант — адресат», что эксплицитно выражено, во-первых, ритуальными композиционными элементами текста дружеского письма — **обращением**, маркирующим адресата («ТЫ — сфера»), и **подписью**, маркирующей адресанта («Я — сфера»), во-вторых, высказываниями типа: **«Все по порядку расскажу тебе»**, **«Расскажу о себе по порядку»**.

Именно обращение и подпись как ритуальные композиционные элементы дружеского письма и названные высказывания придают таким текстам, несмотря на их политематичность, **завершенность, коммуникативную и смысловую целостность**.

Обращение и подпись также подчеркивают (формализуют) границы дружеского письма — фиксируют его начало и конец.

Говоря о завершенности текста, мы разделяем точку зрения И.Р. Гальперина, подчеркивающего, что «текст можно считать завершенным тогда, когда с точки зрения автора его смысл получил исчерпывающее выражение»¹⁵, и что в своем правильно оформленном виде текст имеет начало и конец.

¹⁵ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 131.

В высказываниях типа «Все по порядку расскажу тебе» эксплицитно выражено двуначалие: представлено обозначение адресанта («расскажу») и адресата («тебе»). Данные высказывания, занимая начальную позицию или интерпозицию в тексте письма, выполняют *текстообразующую функцию, интегрирующую функцию*, сообщая тексту коммуникативно-смысловую целостность и завершенность. Например:

«Милый Макс, все по порядку расскажу тебе.»

Приехали, устали, Соня осталась в номере, я умчался к Маргарите Васильевне. Дома не оказалось, дали адрес, где она будет до 11 вечера, я туда, конечно, разлетелся. Тишина, народу очень много, дышут, и слышен металлический спокойный голос <...>»

(А.Н. Толстой — М.А. Волошину. 1908, Париж)

(Заметим, что данное письмо содержит более 700 слов.)

«...Пока было много дела, я не скучал, так как торопился его кончить и ехать к вам. Теперь репетиции кончены, и второй день я делаю немного и ужасно соскучился обо всех вас.»

Расскажу о себе по порядку. Поезд тронулся, и я долго махал вам и остался один — эти минуты противные. Начались волнения о том, как вы доедете <...>»

(К.С. Станиславский — М.П. Лилиной. 4 июня 1902. Москва. № 134. С. 236)

(Письмо насчитывает более 500 слов.)

«Мой дорогой Алексей, такая уж моя судьба, чтоб всякое письмо начинать с извинения за длинное молчание. Извини! <...>»

Напишу тебе теперь, по возможности, по порядку, как и что произошло с тех пор, как мы с тобой расстались.

Ты уже знаешь, конечно, о моей болезни в Берлине <...>»

(Ф.И. Шаляпин — А.М. Горькому. № 36. С. 350)

Т.В. Шмелева¹⁶ важным текстообразующим фактором считает именно характер проявления адресации и авторизации (в нашей терминологии — адресата и адресанта). Т.В. Матвеева¹⁷ и И.Г. Сибирякова¹⁸ отмечают важность лично составляющей разговорного диалога (Я-тематики), удерживающей целостность последнего.

Таким образом, политематичность как один из характерных признаков текста дружеского письма не нарушает его связность, коммуникативную целостность, завершенность и не лишает дружеское письмо статуса текста.

Интеграция текста дружеского письма реализуется «серией» специфических средств.

Во-первых, в качестве интегрирующих средств (средств межабзацной связи в тексте) употребляются сочинительные союзы.

Во-вторых, переход от одной темы к другой («переключение тем»), как правило, мотивируется пишущим. При этом границами тематических фрагментов являются предложения-высказывания, которые «задают» новую тему или микротему или подводят итог определенной микротемы (высказывания типа: «А вот философские размышления»; «Насчет интервью»; «Из философии довольно. О жизни»; «На этом заканчиваются дела ученые»; «Вот и все новости»). Как мы уже отмечали, четкое эксплицитное обозначение тематических границ в абзацах и тематических фрагментах текста наиболее характерно для писем академика В.В. Виноградова.

¹⁶ Шмелева Т.В. Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1995. № 5. С. 147–156.

¹⁷ Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 125–140.

¹⁸ Сибирякова И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 115–135.

Кроме того, в качестве средств интеграции текста выступают высказывания типа: «День шел так»; «Дело было так»; «Это было вчера, а сегодня...». С нашей точки зрения, подобные высказывания, имеющие обобщенную семантику, выступают в качестве своеобразных заглавий определенной темы или микротемы, а иногда и всего текста письма, и «цементируют», интегрируют текст письма.

В третьих, несмотря на политематичность дружеского письма, главным связующим центром в нем является коммуникативно-прагматическая ось «Я — Ты», «адресант — адресат», что эксплицитно выражено ритуальными композиционными элементами дружеского письма: обращением, маркирующим адресата («Ты — сфера»), и подписью, маркирующей адресанта («Я — сфера»), а также характерными для дружеского письма высказываниями типа «*Все по порядку расскажу тебе*», «*Расскажу о себе по порядку*», которые подчеркивают направленность текста определенному адресату и в которых эксплицитно выражено двуначалие: представлено обозначение адресанта («Расскажу») и адресата («Тебе»). Занимая начальную позицию или интерпозицию в тексте письма, названные высказывания выполняют текстообразующую, интегрирующую функцию в тексте.

Политематичность текста дружеского письма, а также преобладание коммуникативной интенции над информативной сближают его с естественным (устным) диалогом. В то же время дружеское письмо существенно отличается от устного диалога, поскольку представляет собой письменную форму речи, опосредованный характер общения. Для дружеского письма, в отличие от устного диалога, разговорной речи не характерны неподготовленность, спонтанность речи, «перебивы» и «самоперебивы». Дружеское письмо в ряде случаев представляет собой образец письменной книжной речи.

Политематичность дружеского письма, обусловленная его жанром, позволяет квалифицировать дружеское письмо творческой интеллигенции в качестве текста, имеющего нежесткую семантическую организацию, отличающегося содержательной свободой, что мотивировано его неофициальным, личностно ориентированным характером общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белунова, Н.И. Бессоюзные сложные и соположенные самостоятельные предложения с лексико-синтаксическим повтором в текстовом аспекте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук — СПб., 1987. — 212 с.
2. Белунова, Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX — начала XX в. Жанр и текст писем [Текст] : моногр. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. — 175 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. — М. : Наука, 1981. — 140 с.
4. Левковская, Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? [Текст] // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1980. — № 1. — С. 75–78.
5. Матвеева, Т.В. Непринужденный диалог как текст [Текст] // Человек — текст — культура. — Екатеринбург, 1994. — С. 125–140.
6. Москальская, О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка [Текст]. — М. : Высшая школа, 1981. — 184 с.
7. Сибирякова, И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге [Текст] // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург, 1996. — С. 115–135.
8. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1985–1988.
9. Тураева, З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика [Текст]. — М., 1986. — 217 с.

10. Шмелева, Т.В. Диалогичность модуса [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. — М., 1995. — № 5. — С. 147–156.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов, В.В. «Сумею преодолеть все препятствия». Письма [Текст] // Новый мир. — 1995. — № 1. — С. 173–213.
2. Переписка А.Н. Толстого [Текст] : в 2 т. Т. 1 / ред. колл. В.Э. Вацуро, Г.Г. Елизаветина, С.А. Макашин, В.Н. Николаев, К.И. Тюнькин. — М. : Худож. лит., 1989. — Т. 1. — 352 с. ; Т. 2. — 343 с.
3. Станиславский, К.С. Собр. соч. [Текст] : в 8 т. / гл. ред. М.Н. Кедров. — М. : Искусство, 1960. — Т. 7 : Письма. — 811 с. ; Т. 8. — 614 с.
4. Шаляпин Ф.И. Литературное наследство. Письма. — М., 1976. — Т. 1. — 760 с.

THE LIST OF REFERENCES

1. Belunova, N.I. Bessoyuznye slozhnye i sopolozhennye samostoyatel'nye predlozheniya s leksiko-sintaksicheskim povtorom v Textovom aspekte [Text]. — Appositional and asyndetic complex sentences with independent lexical and syntactic repetition in the text aspect [Text] : the dissertation for degree of the candidate of philological sciences. — SPb., 1987. — 212 p.
2. Belunova, N.I. Druzheskie pis'ma tvorcheskoy intelligentsii kontsa IX — nachala XX v. Zhanr i Text pisem [Text]. — Friendly letters of creative intellectuals of the late IX — beginning of XX century. The genre and text of letters [Text] : monogr. — SPb. : Publishing House Of St. Petersburg state University, 2000. — 175 p.
3. Gal'perin, I.R. Text kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text]. — The text as object of linguistic research [Text]. — М. : Science, 1981. — 140 p.
4. Levkovskaya, N.A. V chem razlichie mezhdu sverkhfrazovym edinstvom i abzatsem? [Text]. — What is the difference between super-phrasal unity and the paragraph? [Text] // Scientific reports of higher school. Philological science. — 1980. — N 1. — P. 75–78.
5. Matveeva, T.V. Neprinuzhdennyj dialog kak text [Text]. — A casual dialogue as text [Text] // Man — text — culture. — Ekaterinburg, 1994. — P. 125–140.
6. Moskal'skaya, O.I. Grammatika Texta: posobie po grammatike nemetskogo yazyka [Text]. — The grammar of the text: A guide to the grammar of the German language [Text]. — Moscow : Higher School, 1981. — 184 p.
7. Sibiryakova, I.G. Standarty tematicheskogo razvertyvaniya v razgovornom dialoge [Text]. — Standards thematic of deployment in spoken dialogue [Text] // Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture — Dictionary of Russian language [Text]. — Ekaterinburg, 1996. — P. 115–135.
8. Slovar' russkogo yazyka [Text] : in 4 t. / under the editorship of A.P. Evgen'evoy. — М. : Russian language, 1985–1988.
9. Turaeva, Z.Ya. Lingvistika Texta. Text: struktura i semantika [Text]. — Text Linguistics. The text: structure and semantics of the [Text]. — М., 1986. — 217 s.
10. Shmeleva, T.V. Dialogichnost' modusa [Text]. — Dialogicness of modus [Text] // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. — М., 1995. — N 5. — P. 147–156.

THE LIST OF RESOURCES

1. Vinogradov, V.V. “Sumeyu preodolet' vse prepyatstviya”. Pis'ma [Text]. — “I'll be able to overcome all obstacles”. Letters [Text] // New World. — 1995. — N 1. — P. 173–213.
2. Perepiska, A.N. Tolstogo [Text]. — Correspondence of A.N. Tolstoy [Text] : in 2 t. — Т. 1 / editorial board is V.Eh. Vatsuro, G.G. Elizavetina, S.A. Makashin, V.N. Nikolaev, K.I. Tyun'kin. — М. : artist. lit., 1989. — Т. 1. — 352 p ; Т. 2. — 343 p.
3. Stanislavskij, K.S. Sobr. soch. [Text]. — Collected Works [Text] : v 8 t. / chief editor is M.N. Kedrov. — М. : Art, 1960. — Т. 7 : Letters. — 811 p. ; Т. 8. — 614 p.
4. Spalyapin, F.I. Literaturnoe nasledstvo. Pis'ma — Literary Heritage. Letters. — М., 1976. — Т. 1. — 760 p.

N.I. Belunova

**TEXTUAL COHESION AND COHERENCE IN LETTERS TO FRIENDS
(AT THE EXAMPLE OF LETTERS OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA
OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

The article deals with coherence and cohesion of letters to friends, which are realized through coordinating conjunctions as a means of linking paragraphs; clichés that signal the beginning of a new paragraph and indicate the beginning of a new topic; “me” – “you” structural elements of a friendly letter, such as the formula of addressing your communicant and the formula of signing a letter; clichés like “Let me tell you everything in order”. The article maintains that friendly letters are characterized by a variety of topics, which makes them closer to oral speech, but does not violate their coherent and cohesive character. Friendly letters have all characteristics of written texts, and are often literary.

paragraph, friendly letter, coherence and cohesion, category of text, text, fragment, variety of topics.